

Gratias tibi maximas Catullus agit ... (Cat. 49)

Стихотворение Катуллы, обращенное к Цицерону (Cat. 49), – предмет спора ученых, который ведется более ста лет. В 1850 году в стихотворении была найдена скрытая ирония, и с тех пор ее пытаются доказать или опровергнуть. Дело осложняется тем, что стихотворение не дает возможности соотнести его смысл (явный или скрытый) с конкретным историческим событием, послужившим поводом к его написанию. Неизвестен точно и год написания стихотворения. Это усложняет задачу толкователя и ведет к предположениям и догадкам, зачастую самым невероятным.

Число сторонников искренности Катуллы приблизительно равно числу сторонников иронии его. При любой точке зрения на этот вопрос доводы в пользу иронии и против нее часто можно оспаривать до бесконечности. К. Паскаль, например, опираясь на выражение Катуллы *pessimus omnium poeta* (vv. 5-6), заявляет, что “если Катулл назвал себя худшим поэтом, он сказал это не в шутку, а в издевательском смысле повторил суждение недруга”, приписывая это суждение Цицерону.¹ К. Паскаль подкрепляет свое заявление отрицательным отзывом Цицерона о неотериках (*Tusc.* III, 45; *ad Att.* VII, 2,1). Другой ученый, Э. Лафтон, также сторонник иронии, замечает, однако, что “первая по времени ссылка на неотериков (*ad Att.* VII, 2,1) кажется выражением удовлетворения Цицерона тем, что он сам может писать спондеями, а не неприязни к неотерикам”.²

Возможно, Катулл назвал себя худшим из поэтов, чтобы подчеркнуть величие таланта Цицерона-оратора и показать, как сам он скромн. Следует отметить также, что приведенные К. Паскалем места из Цицерона для большинства исследователей – важное, но не единственное доказательство иронии в разбираемом стихотворении. Ученые строят свою аргументацию на основе анализа конкретных событий политической жизни Рима и связанных с ними выступлений Цицерона. Так, Б. Шмидт полагает, что стихотворение Катуллы – ответ Цицерона на его защиту Ватиния от Кальва в августе 54 г. до н.э. и месть за

¹ C. Pascal. *Poeti i personaggi catulliani*. Catania 1916, 135.

² E. Laughton. *Dissertissime Romuli nepotum* // *CPh* 65 (1970) No.1,3.

“презрительный отзыв” Цицерона о поэзии Катулла.³

Х. Гугель, развивая эту тему, полагает, что с. 49 написано из-за разногласий между Катуллом и Цицероном в сфере литературы: после возвращения из ссылки в 57 г. до н.э. Цицерон попытался приобрести поэтическую славу, притом не без успеха – Х. Гугель приводит слова Плутарха о том, что “он (Цицерон) завоевал репутацию не только лучшего оратора, но и лучшего поэта римлян” (Plut. Cic.2). Поэтическое кредо Цицерона, последователя Энния, по своей сути было отличным от воззрений Катулла и *poetae novi*. Можно предположить, что когда поэма Цицерона попала в руки Катуллу, тот ответил на стихи Цицерона полным иронии посланием.⁴

Д. Томсон углубляет эту тему, полагая, что стихотворение Катулла – ответ на просьбу Цицерона высказать свое мнение по поводу поэтического таланта оратора. Ответ Катулла Д. Томсон не рассматривает как сарказм. По мнению ученого, Катулл хотел сказать своим стихотворением: “Ты, Цицерон, обладая несомненным даром прозаика, сделал мне любезность (послав свои стихи), и я приношу глубокую тебе благодарность. Я думаю, может быть, я – худший из всех поэтов, тогда как ты – самый одаренный из всех... адвокатов”.⁵

П. Оксала также думает, что “в стихотворении скрыт иронический смысл”, хотя вполне допускает возможность противоположного мнения. Ученый основывается на том, что “все стихотворение ... льстиво и слишком хвалебно”. Оценка чисто эмоциональная и требует серьезных доказательств. Более весомо то, что П. Оксала, опираясь на собственное толкование сочетания *optimus omnium patronus*, убеждает нас в том, что “Катулл скрыто объявляет Цицерона адвокатом всех, то есть, кого угодно”.⁶ Д. Романо, напротив, уверен, что Катулл не мог бы использовать в седьмом стихе конструкцию, отличную от использованной в шестом стихе – *pessimus omnium poeta*, где толкование грамматической связи может быть только однозначно.⁷

Г. Фридриха, как и П. Оксалу, приводит в смущение слог стихотворения 49 – он находит его напыщенным (*geschraubt*), а

³ B. Schmidt. Die Lebenszeit Catulls und die Herausgabe seiner Gedichte // RhM 69 (1914) 273 sqq.

⁴ H. Gugel. Cicero und Catull // Latomus 66 (1967) 686-8.

⁵ D. F. S. Thomson. Catull and Cicero: Poetry and the Criticism of Poetry // Classical Weekly 60 (1967) 227.

⁶ P. Oxala. Andotationes criticae ad Catulli carmina. Helsinki 1965, 58.

⁷ D. Romano. Il significato del c. 49 di Catullo // Aevum 27 (1954) 225 (прим.).

потому не рассматривает послание Цицерону как искреннюю благодарность поэта.⁸

Д. Росс, исходя из стиля Катуллы, говорит, что *Romuli perotum* в первом стихе может иметь только юмористический смысл и служит лучшим доказательством ироничности всего с. 49. По мнению ученого, географические и мифологические экскурсы Катуллы во многих случаях использовались поэтом для создания “пародий на высокий стиль”. Самым ярким примером использования таких экскурсов “для юмористического эффекта” Д. Росс считает стихотворение 29.⁹

Противники иронии в с. 49 также зачастую пользуются эмоциональными аргументами для подтверждения собственной правоты.

Д. Романо, например, говорит: “Не соответствует темпераменту Катуллы отвечать на оскорбление мягко и не очень ясно, если учесть к тому же, что он не удерживался от открытых нападок на таких влиятельных людей, как Цезарь, Помпей, Мамурра, не опасаясь мести с их стороны. Мог ли он бояться Цицерона?”¹⁰ Ученый отвергает предположение Шмидта и других о роли “презрительного замечания” Цицерона в адрес Катуллы, подкрепляя свою точку зрения и формальным аргументом: “Я не имею никаких доказательств того, что Цицерон отрицательно отзывался о Катулле или неотериках, по крайней мере, ещё при жизни Катуллы”.¹¹ Действительно, Л. Альфонси, изучив использование Цицероном термина *veótepoi* и отмечая явно “негативный смысл” его, отсылает нас к уже упомянутому письму Цицерона к Аттику (VII, 2,1) как к тому месту, где оратор в п е р в ы е использовал термин *veótepoi*.¹² Письмо датируется ноябрем 50 г. до н.э. Дата смерти Катуллы, увы, неизвестна – он мог и не узнать о “презрительном отзыве” Цицерона. Л. Альфонси не касается *Cat.* 49 и не упоминает его. Зато Е. Фридриксмайер, сторонник искренности Катуллы, так говорит о “презрительном отзыве” Цицерона: “Следует отметить, что три замечания Цицерона о “новых поэтах” были сделаны годы спустя после смерти Катуллы, и все они достаточно невинны – *ad Att.* VII, 2,1 (ноябрь 50 г. до н.э.), *Or.* 161 (46 г. до н.э.), *Tusc.* III,45 (45-44 гг. до н.э.).¹³ Как видно, возражения

⁸ G. Friedrich. *Catulli Veronensis liber.* Lpz.-Berlin 1908, 203.

⁹ D. Ross. *Style and Tradition in Catullus.* Cambridge (Mass.) 1969, 99 (прим.).

¹⁰ D. Romano. *Op. cit.*, 224.

¹¹ *Ibid.*, 223.

¹² L. Alfonsi. *Il termine veótepoi in Cicerone // Mnemosyne* 2 (1948) 222, 217.

¹³ E. Fredericksmeier. *Catullus 49, Cicero and Caesar // CPh* 68(1973) 272.

против роли “пренебрежительного отзыва” Цицерона в адрес Катулла есть у обеих сторон.

Сторонники искренности поэта также не единодушны во мнениях: почти у каждого существует своя теория, почему Катулл благодарил Цицерона. Е. Беренс полагает, что поэт благодарит оратора за то, что тот в речи *pro Caelio*, изобразив порочные нравы Клодии-Лесбии, воздержался от упоминания имени самого известного ее любовника – Катулла.¹⁴

Издатель и комментатор Катулла К. Куинн выступает против такого толкования: “Но мог ли Катулл действительно чувствовать благодарность? Разве могли стихотворения к Лесбии как-нибудь скомпенсировать то, что было блестяще показано Цицероном – что любовь к Клодии характеризует человека как глупую жертву дешевой нимфоманки?”¹⁵

Также склонен связать стихотворение 49 с речью *pro Caelio* П. Уигем. Он, правда, не убежден в этом, но и общий тон его перевода, и то, что *optimus omnium patronus* он переводит как *prince of lawyers*, свидетельствует об убежденности П. Уигема в искренности стихотворения 49.¹⁶

Р. Вестфаль, связывая стихотворение с Клодией, построил теорию, которая отчасти напоминает сюжет одной из “мыльных опер”: Цицерон любил Клодию, хотел жениться на ней, но из-за вмешательства своей жены Теренции порвал отношения с Клодией. Катулл, встретив однажды покинутую оратором даму, был приглашен к ней в гости и влюбился в нее. Цицерон, в свою очередь, помог Катуллу в его ухаживаниях. Катулл же стихотворением 49 отблагодарил Цицерона за то, что тот уступил ему место.¹⁷

Двумя годами раньше В. Кроль сделал предположение, что стихотворение 49 – благодарность поэта за присланный ему Цицероном экземпляр речи против Ватиния (56 г. до н.э.).¹⁸

Против этого и всех других предположений можно возражать, и опровергнуть их нетрудно, потому что часто они остаются только предположениями. Более основательна теория, выдвинутая Фридриксмайером – он начинает с чисто языкового момента: “Разве фразы *pessimus omnium poeta* и *optimus omnium*

¹⁴ E. Baehrens. Catulli Veronensis liber. Lpz. 1893, 251-3.

¹⁵ K. Quinn. Catullus: The Poems. N. Y. 1970, 234sq.

¹⁶ The Poems of Catullus / Transl. by P. Whigham. Berkeley-L.A. 1969, 108, 233.

¹⁷ R. Westphal. Catulls Gedichte in ihrem geschichtlichen Zusammenhange übersetzt und erklärt. Breslau 1870, 240-2.

¹⁸ W. Kroll. C. Valerius Catullus. Stuttgart 1868, 88.

patronus не уравнивают друг друга и не одинаково, таким образом, утвердительно, ироничны они или нет?"¹⁹

Если нет, то здесь или беспричинное оскорбление, так как поэт-профессионал, обращаясь к дилетанту, явно не имел в виду, что сам он – “худший из всех поэт”, или Цицерон мог просто не понять, что имеет в виду Катулл.²⁰

Фридриксмайер в этой ситуации предлагает следующее решение: Цицерон, наверное, сделал для Катулла что-то хорошее, избавив поэта от какого-то затруднения или обвинения, а тот, в свою очередь, выражает ему за это глубокую благодарность. Цицерон, сделав добро Катулла, употребил свое красноречие и силу убеждения (*disertissime*), оправдав лестное для себя имя адвоката или патрона (*patronus*). Связь между “благодарением” Цицерона и поэзией Катулла, о которой тот имел все основания сожалеть, то есть, связь между выражениями “лучший патрон” и “худший поэт”, Фридриксмайер видит в роли Цицерона, которую оратор сыграл в примирении Катулла с Цезарем.²¹

Эту роль ученый видит в письме, которое мог написать Цезарю Цицерон, стараясь убедить могущественного человека в искреннем желании Катулла примириться с ним.²²

Е. Фридриксмайер справедливо оценивает свою теорию: “Такое толкование не более убедительно, чем какое-либо другое. Однако оно биографически и психологически так же правдоподобно, как и остальные, причем правдоподобнее многих ... Так как уверенность (в данном случае) невозможна, это – лучшее, чего можно ожидать”.²³

Из этого краткого обзора видно, что за сто с лишним лет даже сторонники одного взгляда на предмет не выработали единого мнения в отношении стихотворения 49 – число гипотез практически равно числу исследователей, их выдвинувших. При этом ни одна гипотеза не может быть принята безоговорочно, потому что каждая построена на основе допущения, без которого превращается в выдумку.

В этой ситуации не будет лишним привлечь к рассмотрению стихотворения 49 перекликающуюся с ним эпиграмму I,7 Марциала, посвященную другу Марциала, сановному поэту

¹⁹ E. Fredericksmeier. Op.cit. 273.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² E. Fredericksmeier. Op. cit. 273.

²³ Ibid., 278.

Луцию Аррунцию Стелле. Для наглядности приведем два текста друг за другом.

Cat. 49:

Disertissime Romuli nepotum,
quot sunt quotque fuere, Marce Tulli,
quotque post aliis erunt in annis,
gratias tibi maximas Catullus
agit, pessimus omnium poeta,
tanto pessimus omnium poeta,
quanto tu optimus omnium patronus.

Mart. I,7:

Stellae delictum mei Columba,
Verona licet audiente dicam,
vicit, Maxime, Passerem Catulli.
Tanto Stella meus tuo Catullo
Quanto passere maior est columba.

Ситуация, предполагаемая эпиграммой Марциала, достаточно ясна: знакомый поэт Аррунций Стелла написал стихотворение, посвященное голубке, которое так понравилось Марциалу, что позволило ему поставить Стеллу-поэта выше Катулла. Из другой эпиграммы Марциала (VII, 14) можно узнать, что голубка, принадлежавшая подруге Стеллы Ианфиде, умерла ("летает в Элизиуме" – VII, 14,6). То есть здесь ситуация ясна полностью – незадолго до 85 г., когда была выпущена первая книга эпиграмм Марциала, Стелла написал стихотворение, посвященное любимой черной голубке своей подруги Ианфиды, и Марциал решил отметить удачу друга, поставив его выше уже признанного классиком Катулла.

Л. Фридлиндер в комментарии к Марциалу отметил эту эпиграмму так: *dies Gedicht ist ganz in Catulls Manier*,²⁴ не называя прямо, с каким именно стихотворением Катулла он сравнивает эпиграмму I, 7. Это важно, потому что первым должно придти на ум сравнение с циклом стихов Катулла, посвященных воробью Лесбии. Между тем, не нужен кропотливый филологический анализ, чтобы увидеть несходство стихов этого цикла с эпиграммой Марциала. Гораздо важнее по существу сопоставление эпиграммы со стихотворением 49, послужившим как бы образцом для Марциала.

Из сопоставления с 49 Катулла, его стихотворений, посвященных воробью Лесбии, и эпиграммы I, 7 Марциала можно

²⁴ M. Val. Martialis epigrammaton libri. Von L. Friedlaender. Leipzig 1886, B. I. 170.

понять, что Марциал искусно сконтаминировал два Катулловых мотива. Причем также понятно, что, соединяя тему воробья Лесбии и тему похвалы Цицерону, Марциал вряд ли решился бы соединить язвительное обращение к великому оратору с нежными, даже слащавыми стихами о воробье любимой женщины, которые не вызывают подозрений по поводу какой-либо скрытой в них иронии.

Если проследить за тем, как отзывался Марциал о Луции Аррунции Стелле, можно увидеть, что, начиная с первой книги и кончая последней, двенадцатой, Стелла выступает в стихах Марциала как друг. В эпиграмме I, 7 Стелла сравнивается с Катуллом, в эпиграмме I, 62 – с Титом Ливием и Горацием; в эпиграмме V, 11 Марциал, говоря о драгоценных камнях на руке друга, замечает, что больше драгоценностей – в стихах его, в IX, 42 Марциал просит сенаторских фасций у Домициана для друга, в IX, 89 сетует на то, что Стелла заставляет его писать стихи по “слишком строгим законам” (v. 2), в X, 48 уравнивает Стеллу с Корнелием Непотом, Горацием, своими друзьями Канием Руфом, Юлием Цериалом, Люпом и самим собой (vv. 5-6). В двенадцатой книге, написанной Марциалом уже после отъезда в Испанию, он называет Стеллу *clarus Nyantaeae ... sititor aquae* (2.12). Последнее упоминание Стеллы особенно важно – если в Риме Марциал мог надеяться на материальную помощь со стороны Стеллы, то в Испании он не мог чувствовать большой материальной зависимости от богатого друга.

Как бы ни оценивать силу дружеских чувств Марциала, он вряд ли соединил бы тему воробья Лесбии с интонациями язвительного стихотворения. Если же Марциал не усмотрел иронии в стихотворении Катуллы, обращенном к Цицерону, или, во всяком случае, не воспринял ее в качестве злой иронии, не является ли это доводом против того, что таковая вообще там была?

Е. В. Слугин
Санкт-Петербург

Cat. 49, addressed to Cicero, has been the subject of a long debate as to the degree of sincerity, irony or even mockery expressed in the poem. Mart. 1.7, addressed to L. Arruntius Stella, can assist one in interpreting this poem. Martialis combines here two motifs from Catullus, those of Lesbia's sparrow and of his address to Cicero. It is unlikely that Martialis would combine the motif of tender love with that of malicious mockery. Moreover, this would be highly improper in a poem addressed to a dear friend, such as Stella was to Martialis. It follows that Martialis did not recognize mockery in Cat. 49, which makes very doubtful that Catullus had such an intention when writing his poem.